

ОЦЕНКА ЭФФЕКТОВ ПРИ ЗАПРЕТЕ АНТИКОНКУРЕНТНЫХ СОГЛАШЕНИЙ: РЕШЕНИЯ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ¹

Авдашева С.Б., Макаров А.В.²

Аннотация

Оценка эффектов потенциально ограничивающих конкуренцию действий становится необходимым условием применения антимонопольных запретов в практике зрелых юрисдикций. Российское законодательство также предусматривает оценку и взвешивание эффектов потенциально запрещенной практики для ряда нарушений закона «О защите конкуренции», в том числе ограничивающих конкуренцию соглашений. Развитие практики оценки эффектов требует анализа достигнутых в этом направлении результатов, что и является целью статьи.

В статье анализируются два направления экономического анализа поведения участников рынка. А именно оценка эффектов для целей признания практики, ограничивающей конкуренцию, в противоположность применению запретов на основе формальных признаков (*effect-based vs object-based enforcement*) и оценка эффектов для сопоставления положительных и отрицательных результатов практики в противоположность применению запретов по букве закона (*rule of reason vs per se illegality*). Показано, что увеличение роли оценки эффектов в правоприменении способно повысить общественное благосостояние. В то же время действующее законодательство и система мотивации, допускающие оценку эффектов, не стимулируют ее применение антимонопольным органом. Проанализирована база данных судебных решений (400 дел, инициированных в 2008–2012 гг.) по оспариванию решений и предписаний ФАС России о незаконных соглашениях и согласованных действиях. Показано, что соображения эффективности (положительных эффектов реализации соглашений) крайне редко определяют решения суда (всего в 5 из 400 решений). Если же это происходит, то принципы сопоставления эффектов ограничения конкуренции и выигрышей общества носят достаточно произвольный характер без полноценной количественной оценки.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта ЦФИ НИУ ВШЭ «Стандарты применения антимонопольных запретов: факторы формирования и развития».

² Авдашева Светлана Борисовна – профессор, руководитель Департамента прикладной экономики факультета экономических наук НИУ ВШЭ, заместитель директора ИАПР, НИУ ВШЭ. Адрес: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: avdash@hse.ru

Макаров Андрей Владимирович – младший научный сотрудник Института анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ, преподаватель факультета экономических наук НИУ ВШЭ. Адрес: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: avmakarov@hse.ru

Ключевые слова: применение антимонопольного законодательства; безусловный запрет (*per se*); правило взвешенного подхода (*ROR*); применение запретов на основе формальных признаков (*object-based enforcement*); применение запретов на основе эффектов (*effect-based enforcement*); ограничивающие конкуренцию соглашения; судебное оспаривание.

Введение

Среди ключевых проблем антимонопольной политики в сфере ограничивающих конкуренцию соглашений – проблема оптимального соотношения между принципами абсолютного запрета (запрета по букве закона, *per se*) и правилом взвешенного подхода (*rule of reason*, далее также *ROR*). В последнем случае практика признается незаконной, только если отрицательные эффекты от ограничения конкуренции превосходят положительное воздействие на общественное благосостояние. В том или ином виде принцип взвешенного подхода содержится практически во всех антимонопольных законодательствах, в том числе российском. Статья 13 Закона «О защите конкуренции» предусматривает, что определенные типы ограничивающих конкуренцию соглашений или действий доминирующего участника рынка могут быть признаны допустимыми, если их результатом является совершенствование производства, при условии получения покупателями достаточно существенных выгод.

Параллельно в антимонопольной политике существует проблема выбора правила, по которому практика признается ограничивающей конкуренцию. В Европейском союзе с 2003 г. принято противопоставлять применение запретов на основе оценки эффектов применению запретов на основе формальных признаков (*effect-based vs category-based enforcement*).

Известно, что при оценке российского антимонопольного законодательства практически все международные эксперты сходятся во мнении, что описание запрещенной практики в российских законах достаточно хорошо гармонизировано с европейскими нормами. Однако важной особенностью является формальный анализ действий, рассматриваемых как нарушения. И в связи с этим главная рекомендация экспертного сообщества российскому антимонопольному органу – расширить практику применения экономического анализа. На первый взгляд движение в этом направлении происходит высокими темпами. Большинство решений российских антимонопольных органов в последние годы основано на применении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке (Приказ ФАС России от 28.04.2010 N 220 (ред. от 20.07.2016) «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» (зарегистрировано в Минюсте России 02.08.2010 N 18026) (далее – Порядок-220). Порядок предусматривает весьма тщательный анализ структуры рынка. Отказ от применения Порядка-220 является одной из важнейших причин признания решений антимонопольных органов незаконными в суде.

Однако большинство экономистов и юристов не удовлетворены сложившимся положением дел (Shastitko, 2016). Эксперты-экономисты гово-

рят о необходимости конкретизации Порядка-220 с учетом особенностей конкуренции на разных типах рынков (Шаститко, Шаститко, 2015; Шаститко, Курдин, Моросанова, 2016). Компании, которые являются объектами антимонопольного расследования, как правило, искренне не удовлетворены содержанием Порядка-220 на том основании, что предусмотренный им подход к оценке состояния конкуренции плохо отражает особенности конкретного бизнеса.

В то же время сотрудники антимонопольных органов, многие юристы-практики и судьи считают, что нормы Порядка-220 и так достаточно сложны, требуют слишком высоких затрат на применение и дальнейшее их развитие будет вести только к эскалации стоимости антимонопольных дел как для антимонопольных органов, так и для защищаемых компаний. Эту позицию явно или молчаливо поддерживают и многие независимые экономисты, которые видят за рекомендациями повысить качество экономического анализа в делах о нарушении закона «О защите конкуренции» в первую очередь стремление специализированных экспертов увеличить спрос на свои услуги.

Другой источник добросовестного скептицизма в отношении использования экономического анализа в антимонопольных расследованиях – глубоко укоренившаяся в российской системе государственного управления боязнь свободы выбора (дискреции) государственного служащего. В системе представлений, когда желаемы только решения, которые могут быть сделаны автоматически при конечном числе комбинаций входных параметров, любой анализ, приводящий к предположительным выводам, – в том числе анализ экономический – выглядит опасным именно как источник дискреции.

К этой позиции примыкает опасение резкого снижения результативности ФАС России в том случае, если правоприменение (и в особенности судьи арбитражных судов) будет предъявлять больший спрос на экономический анализ. Это опасение основано на том представлении, что коль скоро результаты экономического анализа все равно носят предположительный характер, выигрыш в судах будет обеспечен стороне не более правой, а представившей аргументацию, которая более качественно выглядит – в первую очередь благодаря лучшей репутации экспертов. В этой гипотетической картине крупная компания, располагающая средствами на привлечение дорогих экспертов-экономистов, получит преимущество перед антимонопольным органом. Причем это преимущество может оказаться выше именно у самых крупных компаний, т.е. потенциально самых опасных нарушителей антимонопольного законодательства.

Однако за пределами неприятия анализа с вероятностными выводами много споров о месте анализа эффектов в применении антимонопольного законодательства, на наш взгляд, основано на некоторой путанице понятий «экономический анализ», «анализ эффектов», «взвешенный подход», используемых при решении конкретной задачи применения антимонопольных запретов.

В связи с этим цель данной статьи, во-первых, объяснить, почему анализ эффектов предположительно нелегальных действий составляет часть

«лучшей практики» антимонопольной политики – особенно актуальной для модели правоприменения, используемой в России. Во-вторых, продемонстрировать тенденции развития анализа эффектов в применении антимонопольного законодательства в России на примере запрета на ограничивающие конкуренцию соглашения.

Взвешенный подход и анализ эффектов в применении антимонопольного законодательства

Различие между взвешенным подходом (*rule of reason*, ROR) и анализом эффектов в применении законодательства (*effect-based approach*) объясняется историей и условиями возникновения самих этих концепций. Взвешенный подход как принцип применения антимонопольных запретов (Шаститко, 2005) утвердился в США в 1960–1970-е гг., в первую очередь как часть судебной практики (Авдашева, Дзагурова, 2010; Агамирова, Дзагурова, 2014). Рассматривая соглашения между продавцами (в первую очередь и по преимуществу вертикальные), по мнению истца, ограничивающие конкуренцию между продавцами, суды в США приходили к выводу о том, что возможное отрицательное влияние на ценовую конкуренцию компенсируется положительным влиянием условий соглашений. Предметом положительного влияния могли быть стимулы к неценовой конкуренции, к снижению издержек, к так называемым кооперативным специфическим инвестициям – перечень принципиально не закрыт. Прецедентные решения судов сформировали принцип ROR – взвешенного подхода (*rule of reason*), альтернативный принципу незаконности по букве (*per se*).

В отличие от практики, запрещенной по букве закона, практика, рассматриваемая на основании правила взвешенного подхода, признается нарушением закона только в том случае, если эффекты отрицательного влияния на конкуренцию превосходят положительные эффекты. Под «эффектами» в данном случае традиционно понимается воздействие на общественное благосостояние как сумму выигрышей потребителей и продавцов. Вспомним ставший хрестоматийным пример (дело *Sylvania*, 1977) (Агамирова, Дзагурова, 2014). Правило «исключительных территорий» для продавцов телевизоров (ограничение территории реализации границами штата со стороны производителя) подавляет ценовую конкуренцию между дистрибьюторами телевизоров конкретной марки, но стимулирует конкуренцию между телевизорами разных производителей. Возможное повышение цен компенсируется ростом полезности для потребителей, в итоге ожидаемая величина благосостояния растет.

В приведенной истории важно, где, как и почему применяется подход взвешенного анализа. В США он, в первую очередь, применяется судьями в рамках частных исков о компенсации ущерба, причиненного ограничениями конкуренции. В американской антимонопольной политике сформировалось разделение между действиями, признаваемыми нелегальными по букве закона, заведомо снижающими благосостояние, – в расследовании которых большую роль играет Антимонопольный департамент Министер-

ства юстиции, – и действиями, которые рассматриваются на основании правила взвешенного подхода. Во втором случае антимонопольные запреты применяются преимущественно по искам конкретных компаний, считающих себя пострадавшими от ограничения конкуренции. Первую группу дел составляют преимущественно соглашения о ценах и разделе рынка. Вторая группа гораздо более разнородна, вертикальные соглашения – ее представительная часть. В формировании этой модели принципиальную роль сыграли два обстоятельства. Первое – комбинация уголовной ответственности за нарушения закона Шермана с «прокурорской» (*prosecutorial*) моделью правоприменения. В рамках этой модели Министерство юстиции США не принимает решение о виновности как таковое, оно проводит расследование и представляет обвинение на процессе – но решение о виновности выносится судом. Второе обстоятельство – закон Клейтона, дающий право пострадавшему на получение трехкратной компенсации понесенного ущерба по решению суда. Считается, что он создает достаточно сильные стимулы для частного обнаружения, расследования и представления доказательств в тех случаях, когда предполагаемые ограничения конкуренции не снижают благосостояние заведомо (и не являются *per se* нелегальными). Практика США послужила основанием для выработки содержания большинства антимонопольных запретов в других юрисдикциях, однако она не могла стать таким же образцом модели правоприменения в силу принципиальных различий систем права, моделей судов и административного управления.

Концепция применения запретов в Европейском союзе, основанная на анализе эффектов (*effect-based enforcement*), сформировалась сравнительно недавно, в течение последних пятнадцати лет. По сравнению с американской системой запретов, предмет антимонопольного законодательства в Европе шире, и в применении запретов органы конкурентной политики играют принципиально иную роль. Приведем пример. В Европейском союзе (как и в России) запрещены согласованные действия как форма молчаливого сговора. Обвинение в молчаливом сговоре не может быть основано на прямых неопровержимых уликах, как обвинение в явном сговоре, поскольку свидетельств сговора в принципе не существует (Авдашева, 2011). Даже само определение молчаливого сговора в законодательстве – задача весьма нетривиальная. В России – а наше антимонопольное законодательство по содержанию запретов гармонизировано с европейским – потребовалось несколько изменений Закона «О защите конкуренции» и специальное разъяснение Высшего арбитражного суда РФ для того, чтобы хоть какое-то представление об этом нарушении было сформировано. И несмотря на все эти усилия, арбитражные суды в 2008–2015 гг. отменяли множество решений российских антимонопольных органов о согласованных действиях, что указывает на отсутствие общего понимания признаков нарушения.

В Европе возникает та же проблема признаков нарушения, но подход к ее решению не связан с поиском идеального определения запрещенной практики в законе. Его можно сформулировать следующим образом: согласованными действиями (*concerted practice*) будет признаваться практика, эффектом которой станет отказ от конкуренции. Чтобы вынести

обоснованное решение, антимонопольный орган должен продемонстрировать, что определенная модель поведения должна была иметь своей целью ограничение конкуренции, правдоподобно описать механизм ограничения конкуренции и показать признаки фактического ограничения конкуренции³.

В этом смысле применение запретов, основанное на оценке эффектов, противопоставляется не незаконности по букве, а применению запретов по определению (*by object*). Конечно же, эти классификации пересекаются. Запреты по определению применяются по отношению к практике, которая ведет к ограничению конкуренции с такой высокой вероятностью, что может предполагаться без специального анализа. Нетрудно заметить, что в первую очередь это соглашения о ценах между конкурентами, которые в большинстве юрисдикций незаконны *per se*. Однако применение запретов по определению не означает автоматического применения принципа нелегальности по букве: во многих случаях оправдание практики соображениями эффективности возможно.

Если противопоставлять две классификации совсем неформально, то можно сказать, что принцип запрета на основе эффектов требует доказательства, что практика действительно ограничивает конкуренцию, а для запрета на основании взвешенного подхода нужно доказывать, что снижение благосостояния в результате ограничения конкуренции не компенсируется повышением благосостояния в результате роста эффективности.

Ни правило взвешенного подхода, ни принцип запрета на основе эффектов нельзя отождествлять с использованием экономического анализа в применении антимонопольного законодательства. Экономический анализ может применяться и вне задачи объяснения эффектов практики, и вне задачи сопоставления положительного и отрицательного воздействия на благосостояние. Самый яркий пример – определение продуктовых и географических границ рынка, долей продавцов на рынке, показателей концентрации и барьеров входа. Решение этих задач требует именно экономического анализа, но их решение ни в коей мере не гарантирует оценки эффектов конкретной практики.

С другой стороны, ни применение запретов на основе эффектов, ни взвешенный подход не предполагают применения предельно изощренных методов экономического анализа. Конечно, по мере развития методов экономического анализа в конкретных расследованиях будут появляться примеры применения все более сложной техники. Однако главным остается сам вопрос, убежден ли антимонопольный орган (суд), что бизнес-практика ограничивает конкуренцию (для применения запретов на основе анализа эффектов), и убежден ли антимонопольный орган (суд) в том, что отрица-

³ В некоторых случаях суды формулируют стандарты доказательства еще строже. Например, в известном деле Wood Pulp, которое стало для европейской конкурентной политики прецедентным, Европейский суд справедливости указал, что, для того чтобы доказать согласованные действия как форму ограничения конкуренции, антимонопольный орган должен *опровергнуть все альтернативные объяснения описанной бизнес-практики*. Подробное описание см. (Motta, 2004). Нетрудно заметить, какое высокое бремя доказательств налагается при этом на антимонопольный орган.

тельное воздействие практики на благосостояние не компенсируется воздействием положительным (для применения запретов на основе взвешенного подхода).

Взвешенный подход и анализ эффектов: преимущества и сложности применения

Дискуссия о степени безусловности антимонопольных запретов имеет долгую историю в экономической и особенно в правовой литературе. Важными аргументами против взвешенного подхода и применения запретов на основе эффектов выступают угроза правовой неопределенности и издержки конкурентной политики. Так, Истербрук (Easterbrook, 1992) указывает, что безусловные запреты повышают предсказуемость действий регулятора для фирм и способствуют формированию правильных ожиданий агентов. В свою очередь, затраты на применение взвешенного подхода повышаются по мере того, как расширяется круг возможных источников выигрышей эффективности. Как скептически заметил Блехер (Blecher, 1975), взвешенный подход можно назвать «эвфемизмом для обозначения бесконечного экономического исследования, заканчивающегося оправдательным приговором».

Экономисты оценивают роль правовой неопределенности в описанном смысле не только отрицательно. Механизм ее положительного воздействия на благосостояние описан в серии работ (Katsoulacos, Ulph, 2009; Katsoulacos, Ulph, 2016a; Katsoulacos, Ulph, 2016b). Буквально запреты на основании оценки эффектов означают, что продавцы не знают, будет ли их конкретная практика расцениваться как соответствующая требованиям законодательства о конкуренции или нет. Обычно для решения конкретной бизнес-задачи компании могут использовать разные наборы контрактных инструментов. В условиях правовой неопределенности при прочих равных условиях компании будут стремиться выбирать те из них, которые меньше ограничивают конкуренцию и, соответственно, сопровождаются более высоким общественным благосостоянием. Благодаря действию этого механизма правовая неопределенность может повышать общественное благосостояние.

Важный аргумент в пользу применения и взвешенного подхода, и применения на основе оценки эффектов – возможность снижения ошибок I рода (признания нелегальной практики, не ограничивающей конкуренцию или повышающей благосостояние). Особенно актуальна эта проблема при высоком масштабе применения законодательства и явном наличии обвинительного уклона в административных решениях (Крючкова, Авдашева, 2012).

Баланс между ролью суда и ролью административного органа в принятии антимонопольных запретов складывался по-разному в разных юрисдикциях. В административной системе, когда антимонопольный орган принимает базовое решение о виновности компании, существуют достаточно сильные стимулы к формированию обвинительного уклона, к систематическим ошибкам I рода. При этом ошибки I рода сопровождаются снижением эффекта предотвращения ограничений конкуренции (Garoupa, Rizzolli, 2012) благодаря тому,

что ожидаемый выигрыш соблюдающего закон продавца снижается по сравнению с ожидаемым выигрышем нарушающего закон.

Именно масштабными ошибками I рода можно объяснить тот факт, что в России высокие масштабы применения антимонопольных запретов продолжают сопровождаться масштабными потерями общества от слабой конкуренции (Шаститко и др., 2013). Для России за последние годы, по оценкам экономистов, они могут измеряться двузначными цифрами в процентах ВВП, а в худшем случае – и двузначными цифрами в триллионах рублей (Шаститко и др., 2013).

В такой ситуации именно ориентация суда на рассмотрение аргументов о положительных эффектах может стать способом минимизации потерь от ошибочных решений. Данные риски ниже в рамках прокурорской системы, которая предполагает меньшую роль административного органа, поскольку процедура публичного обвинения и разбирательство в суде априори предполагают тщательную подготовку доказательств. Такого рода система помимо Антимонопольного департамента Министерства юстиции США утвердилась в Канаде, Австралии, Австрии, Швеции, Южной Африке, в ряде других юрисдикций (Jenny, 2016). Другое дело, что возникает проблема компетенции судов в разрешении антимонопольных споров, и тогда хорошим решением может стать создание специализированных по таким делам судов, обладающих соответствующими компетенциями в экономическом анализе, как это было реализовано, например, в Великобритании, Португалии и Южно-Африканской Республике.

Однако применение анализа эффектов со стороны суда не может заменить практику оценки эффектов антимонопольным органом в рамках административной модели применения запретов – когда регулятор одновременно и ведет расследования, и выносит решения на основе проведенных расследований. Возлагать обязанность проводить экономический анализ эффектов исключительно на суды в рамках административной модели совершенно неправильно.

Причина состоит в том, что экономический анализ в судах, в противоположность административным расследованиям антимонопольного органа, автоматически предполагает высокие издержки коррекции ошибок I рода – несправедливых обвинений. Ведь главное назначение экономического анализа – предотвращать ошибки правоприменения. Даже явные издержки этих ошибок могут быть достаточно велики. Начиная с 2008 г. ежегодно в арбитражные суды Российской Федерации подается около тысячи исков об отмене решений ФАС России о нарушении требований статей 10, 11 и 11.1 Закона «О защите конкуренции». Около трети этих исков судами удовлетворяется.

По экспертной оценке сотрудников юридических компаний, в среднем на подготовку, подачу иска и представление аргументации в суде (включая затраты времени сотрудников компании) требуется около 5 млн руб. Существуют относительно простые дела, где соответствующие затраты не превышают 2 млн руб. Однако есть и дела, где на оспаривание решения тратится намного больше. Допустим при оценке, что в среднем около 330 обвини-

тельных решений, которые арбитражные суды в течение года признают недействительными, являются результатами ошибок. Тогда на подачу дела в суд в пределах России компании тратят минимум 1,65 млрд руб. в течение года, что приблизительно соответствует годовому бюджету ФАС России.

При всей арифметической простоте, приведенные подсчеты показывают, что, даже если бы для сокращения числа ошибок вдвое потребовалось расширение расходов антимонопольных органов на экономический анализ менее чем на 50%, такое решение было бы эффективно даже с точки зрения снижения явных издержек. При этом приведенный анализ явно недооценивает издержки ошибочных обвинений. Ведь помимо затрат на оспаривание обвинительного решения существенные дополнительные издержки несет система арбитражных судов. Наконец, ошибки I рода снижают стимулы воздерживаться от нарушений антимонопольного законодательства и тем самым усугубляют потери потребителей и общественного благосостояния от слабой конкуренции.

Вот почему при ответе на вопрос о том, почему анализ эффектов до сих пор находит скромное применение в российской практике антимонопольных запретов, необходимо обратиться к сопоставлению издержек и выигрышей не общества, а антимонопольного органа. Как показывает анализ мотивации российского антимонопольного органа, именно для него выигрыши от применения экономического анализа достаточно малы (Авдашева, Цыцулина, Сидорова, 2015; Панеях, Новиков, 2014).

Хотя правовое качество обвинительных решений, которые принимает российский антимонопольный орган, входит в состав ключевых показателей эффективности его деятельности, добиться повышения правового качества, измеряемого долей неотмененных решений, можно как лучшим анализом и более глубокой мотивацией принимаемых решений, так и смещением мишени правоприменения в сторону специфической группы дел, для которых и стандарты доказательства в судах, и стимулы оспаривания со стороны компаний, признанных нарушителями, ниже (Avdasheva, Golovanova, Korneeva, 2016). Данные о структуре решений российского антимонопольного органа указывают именно на такую деформацию.

Подведем итоги: при оптимальном определении предмета расследования дополнительные затраты антимонопольного органа на экономический анализ оправдываются выигрышами общественного благосостояния, включая потребителей и производителей. Участники рынка выигрывают за счет снижения бремени ожидаемых ошибок I рода, включая неоправданные штраф и затраты на оспаривание ошибочных обвинений. Потребители выигрывают из-за большого эффекта предотвращения ограничений конкуренции благодаря снижению вероятности ошибок I рода. К сожалению, на данный момент эти выигрыши невозможно прямо учесть при оценке деятельности ФАС России из-за действующей методики оценки результативности органа. Это не могло не наложить отпечаток на действующие подходы к оценке эффектов конкретной практики. Далее мы покажем, каким же образом положительные эффекты антиконкурентных действий анализируются российскими судами.

Правоприменение на основе оценки эффектов и взвешенный подход в российской антимонопольной политике: требования Закона «О защите конкуренции» и судебная практика

При разработке российского антимонопольного законодательства ставилась задача гармонизации с европейскими нормами. В Законе «О защите конкуренции» (далее – Закон) есть указание на то, при каких условиях некоторые действия, запрещенные статьями 10 (злоупотребление доминирующим положением), 11 и 11.1. (соглашения и согласованные действия, ограничивающие конкуренцию), могут быть признаны законными. Условия эти – в формулировках, которые представляют аналог европейских норм. Они оговорены ст. 13 Закона:

- 1) совершенствование производства, реализации товаров или стимулирование технического, экономического прогресса либо повышение конкурентоспособности товаров российского производства на мировом товарном рынке;
- 2) получение покупателями преимуществ (выгод), соразмерных преимуществам (выгодам), полученным хозяйствующими субъектами в результате действий (бездействия), соглашений и согласованных действий, сделок.

Вместе с тем две характеристики того же Закона создают приоритет применению запретов и по букве, и по определению, без анализа эффектов в том смысле, как это описано выше. Первая – это достаточность наличия возможных эффектов для признания практики, противоречащей Закону. В ст. 10 Закона запрещенные действия описаны следующим образом: «Запрещаются действия... **результатом которых являются или могут являться** (выделено авт.) недопущение, ограничение, устранение конкуренции ...». Эти формулировки воспринимаются таким образом, что способность ограничить конкуренцию в некоторых обстоятельствах достаточна для использования презумпции об ограничении конкуренции.

Вторая особенность норм Закона – он не возлагает на антимонопольный орган обязательство сопоставлять эффекты ограничения конкуренции и положительное воздействие на эффективность. Вот, например, формулировка пункта 6 ст. 11: «Хозяйствующий субъект вправе представить доказательства того, что заключенные им соглашения... могут быть признаны допустимыми в соответствии... с частью 1 статьи 13 настоящего Федерального закона». Такая формулировка не предполагает обязанности антимонопольного органа сопоставлять разнонаправленные эффекты.

В любом случае нормы ст. 13 требуют расшифровки и толкования, которое происходит уже не на уровне Закона, но на уровне подзаконных актов регулятора и, главное, на уровне судебного рассмотрения дел. Степень рассмотрения эффектов, в рамках взвешенного подхода, в принципе не может быть оценена вне правоприменительной практики. Суды и антимонопольный орган могут очень по-разному оценивать соответствие практики критериям совершенствования производства и технического прогресса

са. Еще сложнее со вторым пунктом, указывающим на соразмерность или справедливость выгод покупателей и участников соглашения. Даже если абстрагироваться от самой сложности подсчетов выгод потребителей, сам Закон не говорит о том, что есть справедливость или соразмерность раздела прибыли. При наиболее жестком режиме суд может трактовать это как необходимость раздела полученных выигрышей в равной пропорции между покупателями и участниками сговора или доминирующим продавцом.

Если же не воспринимать эту норму буквально, то вопрос становится еще более сложным. Например, можно ли в таком случае оправдать по статье 13 соглашение, в рамках которого покупатели получили 30% от выгод соглашений, а фирмы – 70%? Или же требование о распределении выгод должно оставаться на усмотрение суда? Должны ли учитываться только непосредственные выигрыши в виде снижения цен или также вопросы качества продукции, соответствия экологическим требованиям, вопросы занятости и т.д., а если должны, то как следует проводить стоимостную оценку совокупности неценовых общественных выгод с точки зрения соразмерности?

Таким образом, сама по себе статья 13 Закона «О защите конкуренции» не может гарантировать реалистичных ожиданий относительно возможности получить оправдание. И действительно, антимонопольные органы используют взвешенный подход для принятия решений сравнительно редко. Наиболее яркий пример – решение по делу о разделе рынка российскими производителями труб большого диаметра, по итогам рассмотрения которого компании были оправданы ФАС России по ст. 13 (Шаститко, Голованова, 2014; Shastitko, Golovanova, Avdasheva, 2014).

Таким образом, скорее арбитражные суды в рамках рассмотрения дел об оспаривании обвинительных решений антимонопольных органов придают содержание формально закрепленным нормам. Для данной статьи была проанализирована база данных по рассмотрению антимонопольных дел с использованием правила взвешенного подхода и оценкой эффектов соглашения на основании информации арбитражных судов по делам, инициированным в 2008–2012 гг. (400 дел).

Результаты анализа дел по ст. 11 (запрет на соглашения, ограничивающие конкуренцию) и ст. 11.1 (запрет на согласованные действия) еще раз подтвердили, что в российской антимонопольной политике преобладает принцип применения запретов по букве закона и по формальному определению. Вопреки международной практике, запреты по букве применяются как в отношении горизонтальных соглашений (соглашений между конкурентами), так и в отношении вертикальных соглашений (Макаров, 2016).

При оспаривании обвинительных решений антимонопольных органов в судах практически не происходило обсуждения эффектов соглашений в духе ст. 13 Закона, обсуждение сводится к наличию или отсутствию формальных характеристик, процедурам антимонопольного расследования и тому подобным вещам. Высокий процент проигрыша ФАС в судах (174 дела из 400) (Макаров, 2016) объясняется по большей части не аргументацией компаний об эффектах соглашений, а скорее формальным оспариванием процедуры рас-

следования регулятора, от некорректных границ рынка до неправильного оформления документов комиссии и нарушений Порядка – 220.

Таким образом, формальная близость ст. 13 российского Закона «О защите конкуренции» и европейских норм на практике совершенно не означает активного использования ROR, как это происходит в других юрисдикциях⁴.

Анализ базы данных показал, что можно выделить за исследуемый период всего пять дел из 400 (табл.), в которых в максимальной степени анализировались аргументы об эффектах соглашений, в том числе о повышении эффективности и общественного благосостояния.

Решение первой инстанции по делу ОАО «Инмарко» хорошо иллюстрирует различия между анализом эффектов практики (*effect-based analysis*) и анализом положительных эффектов в рамках взвешенного подхода. Принципиальным мотивом удовлетворения иска компании об отмене обвинительного решения было не наличие положительных эффектов, а обоснованные сомнения в присутствии отрицательных эффектов – ограничения конкуренции и ущемления интересов. В этом случае низкая рыночная доля – типичное основание для оценки последствий вертикальных соглашений как не противоречащих требованию антимонопольного законодательства. В отличие от многих случаев, когда вертикальные соглашения могли запрещаться без анализа эффектов (Дзагурова, 2011) по наличию формальных характеристик *per se*, в данном случае суд счел, что при низкой рыночной доле практика фирм не угрожает конкуренции в логике порогового значения доли рынка (*De Minimus*), с учетом которого фирмы с небольшой рыночной долей защищены от выдвижения обвинений (так называемая ситуация *safe harbor*). Так, для ЕС существует рекомендация об установлении порогов *De Minimus* в 10% – для горизонтальных соглашений, 15% – для вертикальных.

Решение по делу ООО «Торговый дом Витта», напротив, соответствует именно традиции взвешенного подхода (без обуждения вопроса, насколько обоснован вывод об ограничении интересов и ущемлении интересов и чьих именно): наличие положительных эффектов оправдывает вероятность отрицательных. Количественного сопоставления эффектов не проводилось, даже на самом гипотетическом уровне, хотя содержание дела допускает подобный анализ.

Дело «Союза животноводов Урала» интересно по нескольким причинам. Предметом обвинения являются действия компаний, нацеленные на повышение конкурентоспособности и согласование интересов продавцов внутри цепочки создания стоимости. Под определенным углом зрения это соглашение могло бы рассматриваться не просто как неопасное для конкуренции и интересов участников цепочки, а как весьма желательное (Ша-

⁴ Это отчасти смягчается некоторой законодательной либерализацией. Так интересно отметить дело A71-11529/2011, в котором производитель сметаны предлагал дистрибьютору бонусы при условии продаж по цене не выше чем 18,50 руб. УФАС выдвинуло обвинения, справедливость которых признал суд, однако поскольку с начала 2012 г. установление максимальных цен перепродажи стало в Законе исключением из списка априори запрещенных вертикальных соглашений, решение о нарушении законодательства было аннулировано.

Таблица

Оценка эффектов и правило взвешенного подхода в рассмотрении дел

Дело (номер в системе решений арбитражных судов)	А45-11862/2009	А27-18920/2009	А33-1952/2010	А47-7950/2011	А60-20780/2012
Истец	ООО «Торговый дом Вигта»	Кузбасский алкогольный союз «Гарантия качества», алкогольные компании	ОАО «Инмарко»	Ассоциация операторов алкогольного рынка Оренбуржья, алкогольные компании	НП «Союз животноводов Урала»
Судья, по первой инстанции	Хорошилов А.В.	Гуль Т.И.	Крицкая И.П.	Сиваракаша В.И.	Воронин Н.П.
Обвинение	Новосибирский областной союз потребителей заключил соглашение с ООО «Торговый дом Вигта», что участники кооперации будут получать продукцию со скидкой 10%. Обвинение в нарушении ч. 1 и 3 ст. 11 Закона «О защите конкуренции»	Назначения минимальных и максимальных цен, ограничения ввоза алкогольной продукции из других регионов, ограничение договоров с лицами, не являющимися членами Ассоциации, и т.д.	Эксклюзивное дилерство, договоры с дистрибьюторами, предусматривающие продажу исключительной продукции ОАО «Инмарко», обвинение в разделе рынка, ограничении конкуренции и т.д.	Нарушение ст. 11 Закона «О защите конкуренции», координация хозяйствующих субъектов на рынках оптовой и розничной торговли алкоголем в регионе путем раздела рынка, назначения минимальных и максимальных цен, ограничения ввоза алкогольной продукции из других регионов, ограничение договоров с лицами, не являющимися членами Ассоциации, и т.д.	Некоммерческие организации, объединяющие производителей и переработчиков молока в Свердловской области, договорились о со-трудничестве, включая установление коридора минимальных и максимальных цен на продукцию; обвинение в координации экономической деятельности, установлении и поддержании цен

<p>Количество инстанций</p>	<p>4</p>	<p>7, на протяжении около 3 лет (27.11.2009 – 24.09.2012)</p>	<p>3</p>	<p>9 (с учетом объединения дел), на протяжении более 3 лет (30.03.2012 – 08.05.2015)</p>	<p>1</p>
<p>Аргументация в защиту компаний в контексте оценки эффекта соглашения</p>	<p>Оправданы в соответствии со ст. 13, поскольку такого рода скидки означают соразмерность вытрьша потребителей в связи с возможностью снижения конечных цен (в то же время не приводятся данных о фактическом снижении цен)</p>	<p>Суд счел, что целью Ассоциации было создание системы продажи безопасной и качественной алкогольной продукции. Благодаря усилению ассоциации и ее действиям была создана добровольная система контроля качества продукции; отказ от заключения договоров с компаниями, нарушившими требования по контролю качества</p>	<p>Суд счел, что при низкой рыночной доле фирмы (10–15%) было не доказано наступление неблагоприятных эффектов в виде вытеснения конкурентов с рынка, создания неблагоприятных условий деятельности для дистрибьюторов и т.д.</p>	<p>Благодаря усилиям ассоциации и ее действиям была создана система добровольного контроля качества продукции; отказ от заключения договоров с компаниями, нарушившими требования по контролю качества. Была создана система торговли только алкоголем, получившим «знак качества», проверенным Ассоциацией</p>	<p>Суд счел, что соглашение носило в первую очередь социальный характер, повысило эффективность производства ценопочки в контексте сдерживания цен с учетом низкой платежеспособности населения, способствовало снижению диспропорции цен на рынках сырого молока и продуктов его переработки</p>
<p>Итог дела</p>	<p>Иск компании удовлетворен в апелляционной инстанции</p>	<p>Иск компании удовлетворен в первой инстанции 27.11.2009 и поддержан в апелляции, кассации, ВАС РФ, но 13.01.2012 данное решение отменено по иску ФАС о пересмотре дела по новым обстоятельствам</p>	<p>Суд удовлетворил иск компании</p>	<p>Иск компании удовлетворен трижды начиная с 30.03.2012. 12.11.2013 ВАС отправляет дело на пересмотр в 1-ю инстанцию, в апелляционной инстанции решение ФАС осталось в силе, но штраф снижен до минимального уровня в 100.000 руб.</p>	<p>Суд удовлетворил иск компании в части отмены штрафа (сохранив в силе обвительное решение)</p>

ститко, Курдин, 2014). Во всяком случае, оправдание участников на основании ст. 13 было бы в конкретном случае не менее, а даже более оправдано, чем при рассмотрении дела труб большого диаметра (Шаститко, Голованова, 2014).

Дело ассоциаций продавцов алкогольной продукции обнаруживает сходство со знаменитым делом Национальной ассоциации профессиональных инженеров в США (*National Society of Professional Engineers*), где ассоциация тоже объясняла отказ от ценовой конкуренции созданием системы гарантий качества работ (Kranton, 2005). Выигрыши покупателей носят неценовой характер. Гипотетически относительно несложно перевести выигрыши от повышения ожидаемого качества в денежный эквивалент для покупателя и сопоставить полученную величину с повышением цен. В конкретном случае это ожидаемо сделано не было. Относительно нехитрая процедура для экономического расчета в общем случае не должна, да и вряд ли может входить в багаж обязательного применения для арбитражного суда.

Даже на примере всего лишь пяти дел (лишь чуть более 1% выборки исков об отмене обвинительного решения по ст. 11 и 11.1) видно, насколько различной может быть аргументация в контексте правила взвешенного подхода при отходе от безусловных запретов. В то же время и здесь, к сожалению, можно говорить о достаточно низких стандартах доказательств: как и в случае с обвинительными решениями, в рамках оправдательных решений мы снова не видим глубокого экономического анализа, количественной оценки выигрышей общества/потребителей, что в принципе предполагается статьей 13.

Таким образом, на сегодняшний момент как на уровне законодательства, так и в рамках правоприменения можно отметить, что в России еще не сформировался окончательный дизайн правила взвешенного подхода и не утвердились четкие границы возможности оправдания соответствующих соглашений. Об этом свидетельствуют затруднения, с которыми сталкиваются судьи при разрешении споров. На затруднения указывает и длительность дел (до трех лет, притом что окончательное решение по иску об отмене решения ФАС обычно принимается менее чем за год), и противоречащие друг другу решения судов. Таким образом, степень развития анализа эффектов в российском правоприменении пока не гарантирует возможности его использования для предотвращения ошибок I рода. В то же время сами подходы к применению анализа эффектов при оспаривании обвинительных решений в судах соответствуют международной практике.

По всей видимости, вопрос совершенствования анализа эффектов при расследовании возможных нарушений антимонопольного законодательства не будет разрешен ни без внесения изменений в законодательство, ни без формирования единых принципов правоприменения и судебного рассмотрения. При этом анализ эффектов должен осуществляться в первую очередь антимонопольным органом, и важным условием для развития в этом направлении должно стать изменение системы его мотивации.

Заключение

Статья вносит вклад в текущие дискуссии о желательности более активного использования экономического анализа для применения антимонопольных запретов в России. Сделана попытка прояснить корни дискуссии за и против более активного применения взвешенного подхода.

Обобщение дискуссии об издержках и преимуществах применения запретов на основе анализа эффектов и взвешенного подхода в антимонопольной политике позволило сделать важные выводы для России. Преимущества этих методов в правоприменении особенно высоки именно в административной системе и при преобладании административной ответственности за нарушение антимонопольных запретов. В условиях, когда антимонопольный орган сам проводит расследование и сам выносит решение, анализ эффектов способен больше всего снизить вероятность ошибки I рода. Эта задача особенно актуальна с учетом необыкновенно высоких масштабов применения антимонопольных запретов в России.

В то же время в России сложилась особая ситуация. Статья 13 Закона РФ «О защите конкуренции» в целом совпадает с европейскими нормами. Однако на практике многочисленные вопросы по ее применению остаются без ответа в связи со склонностью судов рассматривать соглашения в рамках подхода *per se*. Анализ базы данных по делам об ограничивающих конкуренцию соглашениях (400 дел) показал, что многочисленные отмены обвинительных решений ФАС в судах (свыше 40% по делам о нарушениях статей 11 и 11.1, запрещающих ограничивающие конкуренцию соглашения и согласованные действия) связаны не с оправданием на основе норм статьи 13, а преимущественно с формальными нарушениями при подготовке обвинительного решения. Только в рамках пяти дел ключевую роль сыграл именно анализ эффектов соглашений, и они закончились признанием решений антимонопольных органов недействительными полностью или частично. При этом в одном из пяти дел судья пришла к выводу об отсутствии ограничений конкуренции, в оставшихся четырех делах – о выигрышах покупателей (в одном – о снижении цены, в трех остальных – о неценовых выигрышах).

Представленный обзор показывает сложности, с которыми сталкиваются судьи при применении к конкретному случаю требований статьи 13 Закона «О защите конкуренции». Он еще раз демонстрирует, что оценка эффектов, во-первых, выходит далеко за пределы применения указанной статьи Закона и, во-вторых, что центр применения анализа эффектов все-таки целесообразно сделать неотъемлемой частью работы антимонопольного органа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдашева С.Б. Незаконность молчаливого сговора в российском антимонопольном законодательстве: могут ли экономисты быть полезны при выработке юридических норм? // Вопросы экономики. – 2011. – № 5. – С. 87–102.
2. Авдашева С.Б., Дзагурова Н.Б. Вертикальные ограничивающие контракты и их интерпретация в антимонопольном законодательстве // Вопросы экономики. – 2010. – № 5. – С. 110–122.
3. Авдашева С.Б., Цыцулина Д.В., Сидорова Е.Е. Применение ключевых показателей эффективности для ФАС России: анализ на основе статистики судебных решений // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2015. – № 3. – С. 7–34.
4. Агамирова М.Е., Дзагурова Н.Б. Стимулы для осуществления кооперативных специфических инвестиций: от судебных решений к теоретическому анализу // Экономическая политика. – 2014. – № 4. – С. 79–97.
5. Дзагурова Н.Б. Практика регулирования вертикальных взаимодействий: вертикальные ограничения с точки зрения координации согласованных действий // Вопросы экономики. – 2011. – № 5. – С. 103–113.
6. Крючкова П., Авдашева С. Государственный и частный инфорсмент законодательства при риске ошибок I рода: выбор для России // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2012. – № 3 (15) – С. 114–140.
7. Макаров А.В. Дела об антиконкурентных соглашениях (2008–2010): риски ошибок первого рода // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2016. – № 1. – С. 84–107.
8. Панеях Э.Л., Новиков В.В. Излишне подозрительное ведомство: последствия «палочной» системы для работы Федеральной антимонопольной службы / Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения». Институт проблем правоприменения Европейского университета. – СПб.: ИПП ЕУ, 2014. – URL: http://www.enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/Web_IRL_2014_02_PolicyMemo_EllaPaneyakh_Novikov_FAS_bur_expansion.pdf (дата обращения: 06.02.2017).
9. Шаститко А.Е. Правило взвешенного подхода в контексте административной реформы и дерегулирования экономики. – М.: ТЕИС, 2005.
10. Шаститко А., Шаститко А. Рынки связанных по производству товаров: теоретическая модель и уроки для правоприменения // Вопросы экономики. – 2015. – № 2. – С. 104–121.
11. Шаститко А.Е., Голованова С.В., Крючкова П.В., Курдин А.А., Новиков В.В., Овчинников М.А., Павлова Н.С. Последствия слабой конкуренции: количественные оценки и выводы для политики. – М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2013.
12. Шаститко А.Е. Зачем конкурентная политика, если есть промышленная? // Экономическая политика. – 2014. – № 4. – С. 42–59.
13. Шаститко А.Е., Голованова С.В. Вопросы конкуренции в закупках капиталоемкой продукции крупным потребителем (уроки одного антимонопольного дела) // Экономическая политика. – 2014. – № 1. – С. 67–89.
14. Шаститко А.Е., Курдин А.А., Моросанова А.А. Продуктовые границы рынка программных продуктов в контексте применения антимонопольного законодательства // Вестник МГУ. Серия 6: Экономика. – 2016. – № 6. – С. 39–56.

15. Avdasheva S.B., Golovanova S., Korneeva D.V. Distorting Effects of Competition Authority's Performance Measurement: The Case of Russia // *International Journal of Public Sector Management*. 2016 (b). Vol. 29. N. 3. P. 288–306.
16. Blecher M.M. The Schwinn Case- An Example of a Genuine Commitment to Antitrust Law// *Antitrust Law Journal*. 1975. Vol. 44. P. 550–553.
17. Easterbrook F.H. Ignorance and Antitrust in Antitrust, Innovation and Competitiveness, Thomas M. Jorde & David J. Teece, eds. Oxford University Press. 1992.
18. Garoupa N., Rizzolli M. Wrongful Convictions do Lower Deterrence // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 2012. N. 168 (2). P. 224–231.
19. Jenny F. The Institutional Design of Competition Authorities: Debates and Trends in: Competition Law Enforcement in the BRICS and in Developing Countries: Legal and Economic Aspects. Springer, 2016. P. 1–58.
20. Katsoulacos Y., Ulph D. On Optimal Legal Standards for Competition Policy: A General Welfare – Based Analysis // *Journal of Industrial Economics*, Wiley Blackwell. 2009. Vol. 57 (3). P. 410–437.
21. Katsoulacos Y., Ulph D. Legal Uncertainty, Competition Law Enforcement Procedures and Optimal Penalties // *European Journal of Law and Economics*. 2016a. Vol. 41 (2). P. 255–282.
22. Katsoulacos Y., Ulph D. Regulatory Decision Errors, Legal Uncertainty and Welfare: A General Treatment // *International Journal of Industrial Organization*. 2016b.
23. Kranton R.E. Competition and the Incentive to Produce High Quality // *Economica*. 2003. Vol. 70. P. 385–404.
24. Makarov A. Anti-Competitive Agreements in Russian Courts (2008–2012): Antitrust Law Implementation and Interpretation // NRU Higher School of Economics. Series LAW «Law». 2016. No. WP BRP 67/LAW/2016. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2813100 (дата обращения: 06.02.2017).
25. Motta M. Competition Policy: Theory and Practice. Cambridge University Press, 2004.
26. Shastitko A., Golovanova S., Avdasheva S. Investigation of Collusion in Procurement of One Russian Large Buyer. *37 World Competition*. 2014. N. 2. P. 235–247.
27. Shastitko A. Empirical Assessment of the Role of Economic Analysis in the Russian antitrust: Why is Economic Analysis Used? *European Journal of Law and Economics*. 2016 forthcoming.

EFFECT ASSESSMENT UNDER RUSSIAN ENFORCEMENT AGAINST ANTICOMPETITIVE AGREEMENTS: COURTS DECISIONS

Avdasheva Svetlana B.

Doctor of Economic Sciences, Professor of the Applied Economics Department and Institute for Industrial and Market Studies (IIMS), NRU HSE.
Address: National Research University Higher School of Economics.
20 Miasnitskaya, 101000 Moscow, Russian Federation.
E-mail: avdash@hse.ru

Makarov Andrey V.

Junior researcher of the Institute for Industrial and Market Studies (IIMS), NRU HSE; lecturer of the Economic Sciences Department NRU HSE.
Address: National Research University Higher School of Economics.
20 Miasnitskaya, 101000 Moscow, Russian Federation.
E-mail: avmakarov@hse.ru.

Abstract

Effect assessment recently becomes crucial for antitrust enforcement in developed countries. Russian antitrust legislation also allows assessment of pro-efficiency effects and their comparison with anti-competitive effects for several types of the actions that are potentially illegal under the law 'On protection of competition'. Better implementation of the effects assessment requires special analysis of the recent developments in the enforcement, and that is the objective of this article.

Articles explains common features and differences between the pairs of decision rules such as effect-based vs. object-based enforcement and rule of reason (ROR) vs per se illegality. We show that effect-based approach in Russian enforcement should improve social welfare. At the same time legislation and motivation of Russian competition authority allow to take into account positive impact of the practice in the field of the efficiency but does not strictly require this approach. The analysis use dataset of judicial reviews of the infringement decisions of Russian competition authority (FAS) on agreements and concerted practice during the period 2008–2012 (400 decisions overall). We found that efficiency considerations (taking into account the Article 13 conditions of the law 'On protection of competition') rarely determine the outcome of judicial review of infringement decision (only 5 cases from 400). Also, if competition authorities and judges take efficiency considerations into account they do it in arbitrary manner without full quantitative assessment.

Keywords: antitrust enforcement; per se illegality; rule of reason; object-based enforcement; effect-based enforcement; horizontal and vertical anticompetitive agreements; judicial review of infringement decisions.

Citations: Avdasheva S.B & Makarov A.V. (2017). Otsenka effektov pri zaprete antikonkurentnykh soglasheniy: Resheniya arbitrazhnykh sudov [Effect Assessment under Russian Enforcement against Anticompetitive Agreements: Decisions of Commercial Courts]. *Public Administration Issues*, no 3, pp. 51–71 (in Russian).

REFERENCES

1. Avdasheva, S.B. (2011). Nezakonnost' molchalivogo sgovora v rossiyskom antimonopol'nom zakonodatel'stve: mogut li ekonomisty byt' polezny pri vyrabotke yuridicheskikh norm? [The Illegality of Tacit Collusion in the Russian Antitrust Legislation: Can Economists be Useful in the Formulation of Legal Norms?]. *Voprosy ekonomiki*, no 5, pp. 87–102.
2. Avdasheva, S.B., Golovanova, S. & Korneeva, D.V. (2016, b). Distorting effects of competition authority's performance measurement: the case of Russia. *International Journal of Public Sector Management*, vol. 29, no. 3, pp. 288–306.
3. Avdasheva, S.B. & Dzagurova, N.B. (2010). Vertikal'nye ogranichivayushchie kontrakty i ikh interpretatsiya v antimonopol'nom zakonodatel'stve [Vertical Restrictive Contracts and Their Interpretation in the Anti-Monopoly Legislation]. *Voprosy ekonomiki*, no 5, pp. 110–122.
4. Avdasheva, S.B., Tsytsulina, D.V. & Sidorova, E.E. (2015). Primenenie klyuchevykh pokazateley effektivnosti dlya FAS Rossii: analiz na osnove statistiki sudebnykh resheniy [The Use of Key Performance Indicators for the FAS: Analysis Based on the Statistics of Adjudications]. *Public Administration Issues*, no 3, pp. 7–34.
5. Agamirova, M.E. & Dzagurova, N.B. (2014). Stimuly dlya osushchestvleniya kooperativnykh spetsificheskikh investitsiy: ot sudebnykh resheniy k teoreticheskomu analizu [Incentives for Cooperative Specific Investments: from Antitrust Cases to Theoretical Approaches]. *Ekonomicheskaya politika*, no 4, pp. 79–97.
6. Blecher, M.M. (1975). The Schwinn Case- An Example of a Genuine Commitment to Anti-trust Law. *Antitrust Law Journal*, vol. 44, pp. 550–553.
7. Dzagurova, N.B. (2011). Praktika regulirovaniya vertikal'nykh vzaimodeystviy: vertikal'nye ogranicheniya s tochki zreniya koordinatsii soglasovannykh deystviy [The Practice of Regulation of Vertical Interactions: Vertical Restraints in Terms of the Coordination of Concerted Actions]. *Voprosy ekonomiki*, no 5, pp. 103–113.
8. Easterbrook, F.H. (1992). *Ignorance and Antitrust in Antitrust, Innovation and Competitiveness*. Thomas M. Jorde & David J. Teece eds. Oxford University Press.
9. Garoupa, N., & Rizzolli, M. (2012). Wrongful Convictions do Lower Deterrence. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, no 168 (2), pp. 224–231.
10. Jenny, F. (2016). *The Institutional Design of Competition Authorities: Debates and Trends*. In: *Competition Law Enforcement in the BRICS and in Developing Countries: Legal and Economic Aspects*. Springer, pp. 1–58.
11. Katsoulacos, Y. & Ulph, D. (2009). On Optimal Legal Standards for Competition Policy: a General Welfare – Based Analysis. *Journal of Industrial Economics*, Wiley Blackwell, vol. 57, no 3, pp. 410–437.
12. Katsoulacos, Y. & Ulph, D. (2016a). Legal Uncertainty, Competition Law Enforcement Procedures and Optimal Penalties. *European Journal of Law and Economics*, vol. 41, no 2, pp. 255–282.
13. Katsoulacos, Y. & Ulph, D. (2016b). Regulatory Decision Errors, Legal Uncertainty and Welfare: A General Treatment. *International Journal of Industrial Organization*.
14. Kranton, R.E. (2003). Competition and the Incentive to Produce High Quality. *Economica*, vol. 70, pp. 385–404.
15. Kryuchkova, P., Avdasheva, S. (2012). Gosudarstvennyi i chastnyi informent zakonodatel'stva pri riske oshibok I roda: vybor dlya Rossii [Public and Private Enforcement of Law under the

- High Risk of Type I Errors: the Russian Case]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*, no 3 (15), pp. 114–140.
16. Makarov, A.V. (2016). Dela ob antikontekurentnykh soglasheniyakh (2008–2010): riski oshibok pervogo roda [Anticompetitive Agreements (2008–2010): Errors of 1 Type in Russian Enforcement]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*, no 1, pp. 84–107.
  17. Makarov, A. (2016). *Anti-Competitive Agreements in Russian Courts (2008–2012): Antitrust Law Implementation and Interpretation*. NRU Higher School of Economics. Series LAW «Law». 2016. No. WP BRP 67/LAW/2016. Available: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2813100 (accessed: 06 February 2017).
  18. Motta, M. (2004). *Competition Policy: Theory and Practice*. Cambridge University Press.
  19. Paneyakh, E.L., Novikov, V.V. (2014). *Izlishne podozritel'noe vedomstvo: posledstviya «palochnoy» sistemy dlya raboty Federal'noy antimonopol'noy sluzhby* [Excessively Suspicious Regulator: The Consequences of the «Quantitative Target» System for the Work of the Federal Antimonopoly Service]. Seriya «Analiticheskie zapiski po problemam pravoprimereniya». Institut problem pravoprimereniya Evropeyskogo universiteta. St.Peterburg. Available: http://www.enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/Web_IRL_2014_02_PolicyMemo_EllaPaneyakh_Novikov_FAS_bur_expansion.pdf (accessed: 06 February, 2017).
  20. Shastitko, A.E. (2005). *Pravilo vzveshennogo podkhoda v kontekste administrativnoy reformy i deregulirovaniya ekonomiki*. [Rule of Reason Approach in the Context Of Administrative Reform and Deregulation]. Moscow: TEIS.
  21. Shastitko, A.E., Golovanova, S.V., Krjuchkova, P.V., Kurdin, A.A., Novikov, V.V., Ovchinikov, M.A., Pavlova, N.S. (2013). *Posledstviya slaboy konkurentsii: kolichestvennyye otsenki i vyvody dlya politiki*. [Effects of Weak Competition: Quantitative Assessment and Policy Implications]. Moscow: «Delo» RANHiGS.
  22. Shastitko, A. (2014). Zachem konkurentnaya politika, esli est' promyshlennaya [Why Competition Policy, if there is Industrial?]. *Ekonomicheskaya politika*, no 4, pp. 42–59.
  23. Shastitko, A.E. & Golovanova, S.V. (2014). Voprosy konkurentsii v zakupkakh kapitaloemkoy produktsii krupnym potrebitel'em (uroki odnogo antimonopol'nogo dela). [Competition Issues Regarding Procurement of Capital-Intensive Goods for a Large Buyer (Lessons Learned From one Antitrust Case)]. *Ekonomicheskaya politika*, no 1, pp. 67–89.
  24. Shastitko, A., Golovanova, S. & Avdasheva, S. (2014). Investigation of Collusion in Procurement of One Russian Large Buyer. *37 World Competition*, issue 2, pp. 235–247.
  25. Shastitko, A. & Shastitko, A. (2015). Rynki svyazannykh po proizvodstvu tovarov: teoreticheskaya model' i uroki dlya pravoprimereniya [Markets of Related in the Production Goods: A Theoretical Model and Lessons for Law Enforcement]. *Voprosy ekonomiki*, no 2, pp. 104–121.
  26. Shastitko, A.E., Kurdin, A.A. & Morosanova A.A. (2016). Produktovye granitsy rynka programnykh produktov v kontekste primereniya antimonopol'nogo zakonodatel'stva [Product Boundaries of the Software Market within the Context of Competition Policy]. *Vestnik MGU. Seriya 6: Ekonomika*, no 6, pp. 39–56.
  27. Shastitko, A. (2016). Empirical Assessment of the Role of Economic Analysis in the Russian Antitrust: Why is Economic Analysis Used? *European Journal of Law and Economics*, forthcoming.